

**ИЗДАНО
В СССР**

СТАРАТЕЛЬ РАДОСТИ

Рафаэль Альберти. Затерянная роща. Воспоминания. Перевод с испанского П. Глазовой, Москва, «Художественная литература», 1968. 366 стр.

Если есть книги, про которые можно сказать, что они непременно должны были появиться из-под пера именно этого писателя, то нет ничего более очевидного, чем то, что Рафаэль Альберти не мог не написать «Затерянную рощу».

«Затерянная роща» — книга воспоминаний: Альберти-поэт представляет нам Альберти-человека. Вряд ли возможно определить, кто из них интересней. С первого дня знакомства с ним я гордился тем, что мне, начинающему тогда испанисту, так повезло. И дело не только в том, что каждому любителю поэзии польстило бы приближение к крупнейшей «звезде» нынешнего испанского поэтического небосклона. Дело в том, что нет более верного способа постижения творчества Альберти, чем общение с ним самим. И, может статься, разгадка его невероятного личного обаяния — это и разгадка огромной притягательной силы его стихов...

Но в чем эта разгадка? Не в наполняющей ли чувством легкости, заражающей своей искренностью простоте? Именно с такой выразительной, певучей простоты начал Альберти, ею отмечены лучшие стихи его первого поэтического сборника «Моряк на суше» (1924). «Затерянная роща» укажет вам на ее источник — она почерпнута из чистого и прозрачного родника детства, прошедшего на берегу Кадисской бухты — лазурной чаши в оправе забытых золотых дюн, с зелеными кронами шарообразных пиний. Не случайно поэт будет вспоминать с благоговением залы картинной галереи Прадо потому, что там «впервые начал по-

нимать... как много во мне самом, в моей андалузско-итальянской плоти и крови этой вот средиземноморской синевы и белизны, солнца и горячего ветра».

Или, быть может, секрет — в пронизательности взгляда и точности слова, способного так кратко сказать о главном и вывести на страницах книги целую вереницу поразительно живо обрисованных лиц: от Федерико Гарсиа Лорки до безвестных случайных собеседников. Даже неискушенному читателю, никогда не слышавшему, например, имени Педро Салинаса, трудно будет забыть о нем, прочитав «Затерянную рощу»: «Откуда вдруг у тонкого изысканного поэта эта неожиданная сочная нота простонародности, эта ухватка человека с окраины? Познакомься с Салинасом короче, я разгадал, в чем дело. Он был до мозга костей мадридцем, несмотря на все Парижи, Кембриджи и Нью-Йорки. В его речи то и дело вспыхивали, рдели веселыми геранями словечки мадридской улицы, рассыпались потешные огни карнавальных шуточек, распукались цветастые метафоры, спрыснутые водкой и терпким асукарилью».

И все же, сдается мне, главное, что придает неповторимость облику Рафаэля Аль-

берти — того, который пишет «Затерянную рошу», и того, который возникает на ее страницах, — это радость жизни.

Радость — слово, кажущееся порой захватанным и тусклым, как стертая монета, но стоит присмотреться к ней, и станет видно, что под мутным налетом — благородное, чистейшей пробы золото. А золото, как известно, добывается недюжинным старанием.

Рафаэль Альберти — великий старатель радости. Река жизни катит через его «Затерянную рошу» волны, вобравшие в себя слезы тех, кто оплакивал жертвы гражданской войны, тех, кто терял родину и мучительно тосковал по ней в эмиграции; об этом говорят полные горечи лирические отступления книги, отступления, рассказывающие драматическую историю ее создания, — и все же с каждым годом на дне реки оседают драгоценные крупы надежды.

Быть может, нигде так не трудна работа собирающего эти крупы старателя, как в Испании — стране трагической судьбы, в которой жизнь и смерть сплетаются в тесном объятии — объятии непримиримых борцов. Дыхание смерти опалило первые поэтические строчки Альберти: «Тело отца покоилось на постели, он лежал в той же одежде, в которой умер. Смерть настигла его внезапно: он стоял в передней, когда у него из горла, клопоча, хлынула кровь, — вся кровь, наверно, что была в жилах...

Плакать я не мог, тем более на глазах у людей, пусть даже близких. В лицах, изображенных плачем, чудилось мне что-то оскорбительное для горя... Но потребность сделать что-то, дать выход страданию с каждой минутой становилась повелительней. Жало незримого гвоздя прожигало мне грудь, раздирало, требовало. Я схватил карандаш и начал писать. Это были первые мои стихи».

Затем из почти физически ощутимой, гнетущей атмосферы захолустья вырастет книга стихов «Левкой зари» (1925—1926 гг.). «Глухой маленький городок — сколько их, этих городков, забились в расщелины андалузских кражей? — давящая, мрачная громада Крестовой горы; белые домики, захлебывающиеся от темного страха перед божьей карой... зажатые в тиски, замордованные человеческие чувства...

Я написал первые стихотворения книги. Голубые тона гадитанского взморья, лагун и гадирен растаяли бесследно... Голос солнца не смолк, но все резче, безжалостней звучал голос тьмы; строки как бы подернулись траурным флером».

В «Затерянной роше» рассказано и о рождении сборника «Об ангелах» (1927—1928 гг.), отразившего блуждания поэта в трагическом лабиринте. Ангелы Альберти ведут свое происхождение от Люцифера — они жестокие, изгнанные, потерявшие рай; ангелы, парящие под сюрреалистическими небесами...

Да, поэзия Альберти ощутила дыхание смерти — это значит вступила в яростный ближний бой с ней, и ангелы отчаяния пре-

вратились в ангелов мятежа, в опьяненных грозным воздухом битвы «неистовых, кипящих гневом крылатых оборванцев». Поэту хватило силы, «чтобы вырваться наверх, к людям, к свету, к жизни...» И вновь оказалось, что творчество — это светоносное начало, это несмолкающий «голос солнца», и поэт гордится тем, что принадлежит «по крови, по видению, весь до мозга костей... тому вечнозеленому, золотому языческому миру, где над всеми великими (о, Тьеполо!) возвышается и царит Тициан. Именно Тициан, в чьей живописи доминирующее — свет, утвердил меня больше, чем кто бы то ни было, в мысли о моей корневой, изначальной связи с цивилизациями, влюбленными в белое и синее...»

И Рафаэль шагнет навстречу «белому и синему», выйдет из трагического самозащиты на простор людского бытия: смешается с толпой на улице (сборник «Поэт на улице», 1931—1936 гг.), станет любимым певцом осажденного франкистами Мадрида («Столица славы», 1936—1938 гг.), секретарем «Альянсы» — Союза антифашистской интеллигенции... Затем эмиграция, и вновь стихи о горестной Испании, и вера в Испанию грядущую, и борьба за нее, и всемирная слава, и Международная Ленинская премия мира... А он все тот же остроумный и неутомимый андалузец с добрыми и веселыми глазами, в которых словно переливается голубизна южных морей. Все так же по-прежнему непосредственно и горячо влюбленный в первозданную языческую красоту мира. Таким зрелым и неизменно юным станет Рафаэль Альберти, но об этом, хотелось бы думать, расскажет нам когда-нибудь новая книга «Затерянной роши». Та, которую пока опубликовал поэт, обрывается страницами, рассказывающими о выходе из духовного кризиса.

Сменой эмоциональных ощущений книга напоминает трехчастную сонату с замедленной и драматической средней частью и радостью, прозвучавшей в начале и победно вырвавшейся наружу в конце. Такова эта лирическая исповедь о первых тридцати годах жизни (исповедь, сохраняющая всю свою непосредственность и тепло доверительного признания в превосходном переводе П. Глазовой). Исповедь, в которой поэт раскрывает тайны своей творческой мастерской. И нас поражает ее необъятность, потому что имя ей — жизнь. И магия рождения стиха, возникновение чарующего слова — это эхо жизни, раздающееся в «Затерянной роше».

Автор «Дон Кихота» — настоящий рыцарь — говорил, что ничто так не ценится, как благодарность. Книга Альберти — это рыцарская благодарность судьбе, в которой даже нелегкие испытания не заглушили неиссякаемую радость бытия. Вот почему Рафаэль Альберти не мог не написать «Затерянную рошу».

В. СИЛЮНАС

СРЕДИ КНИГ